не клеить

Неделя. – 1997. – N 14. – с 37 – 38

Татьяна ОВСИЕНКО:

«НА ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ Я ВСТАВАЛА В 4.30 УТРА...»

Конечно, идеями, зачастую заимствованными, в нашей шоу-индустрии сейчас фонтанирует каждый второй. И много еще всякого, наверняка, суждено повидать нам и в этом сезоне, и в туманном пока еще будущем. Но презентацией апреля, скорее всего, станет перфоманс, устроенный Татьяной Овсиенко в «Метелице» по случаю выхода на «Союзе» ее нового альбома «За розовым морем». Сразу и не припомню, кто из покорителей российского поп-пространства подходил к представлению своего очередного проекта столь фундаментально.

О трудовых, студийных буднях Татьяны и ее команды отсняли целый фильм (аки о создании Копполой «Апокалипсиса»). В фильме говорили музыканты и коллеги по цеху, репетировали оркестры и выплескивали эмоции дирижеры и композиторы. По окончании картины Татьяне, в сопровождении группы, пришлось совсем не под «фанеру» пропеть половину альбома для двух десятков журналистов, предварительно успевших ознакомиться с увесистым буклетом, посвященным все тому же событию. Затем еще часа полтора она отвечала на вопросы. Эксклюзивная презентация для «Недели» состоялась на следующий день в первой, собственной, московской квартире бывшей солистки «Миража» на Ленинском проспекте.

Квартира хорошая, мебель дорогая, санузел совмещенный, но большой и светлый. Короче, всем бы так. Муж Татьяны, если кто не в курсе, Владимир Дубовицкий, совладелец «АРСа» и по совместительству продюсер жены. Его бывшая супруга, опять-таки если кто не в курсе, Ирина Аллегрова. Но об этом позже.

Татьяне не нравится собственная речь. Ей кажется, что не все свои мысли она способна с легкостью выразить, поскольку «часто путается и сбивается». Возможно, это следствие того, что в юности Овсиенко «до книг особенно не доходила». «Вот Дубовицкий очень начитанный человек». Поэтому, помимо творческих, у Татьяны ныне две задачи – «выучить английский и прочитать как можно больше». Сейчас она осваивает подаренную ей кем-то в «Метелице» «Лолиту» Набокова. Но думает, что «будет не очень интересно, сложновато пока. Я Чейза люблю».

Овсиенко действительно, рассказывая о чем-то, иногда перескакивает от события к событию, порой глотая или недоговаривая отдельные слова. Но легко компенсирует подобные изъяны почти детской непосредственностью. Ее повествование собственной биографии и ответы на вопросы напоминают скорее беседу молодой провинциалки, побывавшей в большом городе, со сверстниками-земляками. Пожалуй, нет ничего более далекого от дипломатии, чем спич Овсиенко. Злость, конформизм и взвешенно-строгие интонации в ее голосе отсутствуют напрочь. Этакая киевская болтушка, разбалтывающая, как ни странно, при этом далеко не все.

— В свое время в передаче «Акулы пера» неожиданно возник дефицит героинь-женщин. Наших певиц, похоже, насторожила слишком вольная лексика программы. Звезды, одна за другой, отказывались от участия в съемках. Естественно, ответ рождался сам собой: примы отечественной попсы просто избегают откровенных диалогов. В числе отказников фигурировала и ты.

— Вполне допускаю, что кто-нибудь отказывался. Все девушки – трусихи. Но среди моих коллег таких, думаю, немного.

Я смотрю почти все выпуски этой программы и относительно себя могу сказать, что сниматься в «Акулах» принципиально не захотела, хотя кто-то разговаривал с Дубовицким по поводу моего участия. Понимаю, у этой передачи есть своя определенная «фишка». Но, все-таки, лучше было бы, если вопросы там задавались бы в пропорции 50 на 50, т.е. не только о постели, нижнем белье, деньгах и т.п. Обидно, что никогда там не звучало вопросов, раскрывающих артиста как личность. Например, сомневаюсь, что кто-нибудь спросил бы меня о моих занятиях фигурным катанием, хотя я чуть не стала мастером спорта.

А бояться мне нечего. Я на сцене уже 9 лет и столько за это время слышала о себе и говна, извиняюсь, и хорошего. Сейчас можно жить, как говорится, и по принципу: «Пишите, что угодно, только фамилию не перепутайте». Ко всяким колкостям я привыкла со времен «Миража». Хотя, признаюсь, иногда, смотря «Акулы пера», с любопытством размышляю, о чем же меня-то могли бы спросить. Вроде обо всем этаком уже поговорили. Насчет денег, скажем, Анастасия уже всех «сдала» *(смеется)*. Что еще...?

— Кстати, как ты отреагировала на ее откровения?

— Но это бред! Во-первых, тех сумм, о которых она говорила, просто не существует – она соврала. Мне было смешно. Во-вторых, рассказ про Сашу Цекало, который якобы сказал, что в какую-то из программ она попадет только через его труп, тоже смешон. Потом я общалась с Лолой, и она сказала мне, что спрашивала у Саши, говорил он такое или нет. На что Цекало ей ответил: «Лолита, посмотри в мои честные глаза, я мог такое сказать?» Она ответила: «Нет, Саша, не мог«.

Конечно, я видела, как ей аплодировала студия, и все такое. Но мне кажется, если у тебя возник какой-то конфликт, так найди в себе силы что-то изменить. В конце концов считай, что противоположная сторона – дурак. Подойди, еще раз поговори. Мне понравилось, как на такой же вопрос ответил Андрей Державин, сказав, что не попал в песню года по письмам. Это, действительно, так. Не все попадают в программу по письмам. Но большинство становятся ее участниками все-таки по объективным критериям.

— Так что тебе лично никогда не приходилось сталкиваться с ситуациями, о которых рассказывала Анастасия?

— Я застала еще те времена, когда не приходилось платить за эфиры. А «Мираж» просто принципиально не брали на ТВ, его не признавали.

— Но существовало мнение, что то была своего рода политика Андрея Литягина (руководитель и композитор «Миража»). Он умышленно сохранял группу исключительно в кассетном варианте, не демонстрируя широкой публике.

— Какая политика! Просто не брали. Нет, сначала существовала задумка, что это будет кассетная группа. Еще в то время, когда Наталья Гулькина пела про «Видео». Альбом, кажется, назывался «Звезды нас ждут». «Мираж» тогда все слушали на магнитофонах, но в глаза музыкантов никто не видел. Литягин хотел, чтобы знали альбом, а не артистов. В принципе он этого добился. Когда я пришла в группу, подобная политика еще продолжалась. «Мираж», правда, выезжал на гастроли, но поставить на сцену в любом городе можно было кого угодно, поскольку в лицо никого из солистов не знали. А потом началась эпопея с тремя «Ласковыми маями», четырьмя «Миражами». И необходимо было что-то менять. Солисткой тогда как раз стала я. И с меня начались огромные плакаты «Т. Овсиенко и группа «Мираж». По-другому работать стало невозможно. Повсюду вылавливали левые миражи. На гастроли приходилось ездить с документами, поскольку заказывали именно «Мираж» с Овсиенко, и как-только мы прилетали в какой-нибудь очередной город, тут же в аэропорту представители встречающей стороны, как последнего вора, просили меня показать паспорт. В остальном же продолжалась странная ситуация, созданная по желанию Литягина: он запрещал нам давать интервью, говорил, как двигаться на сцене, что надевать и тому подобное. И платил он каждому столько, сколько считал нужным, никого не посвящая в свои вопросы. Возможно, это стало для меня хорошей школой, поскольку получала я тогда меньше всех в группе.

— Постой, а как же легенда о том, что участники тех легендарных «чесовых» команд в тот период, о котором мы с тобой ведем речь, просто озолотились?

— Руководство может быть – да. А про остальных я сказать не могу. У нас никто не знал, какую зарплату получают другие участники группы. Моя ставка была 30 рублей за концерт. Только позже я узнала, что один из гитаристов за такой же концерт получал 280 рублей. А изначально я думала, что получала больше всех. Поэтому, когда Салтыкова где-то недавно рассказывала о своих огромных заработках в «Мираже», возможно, она говорила правду. Ее гонорары могли быть иными.

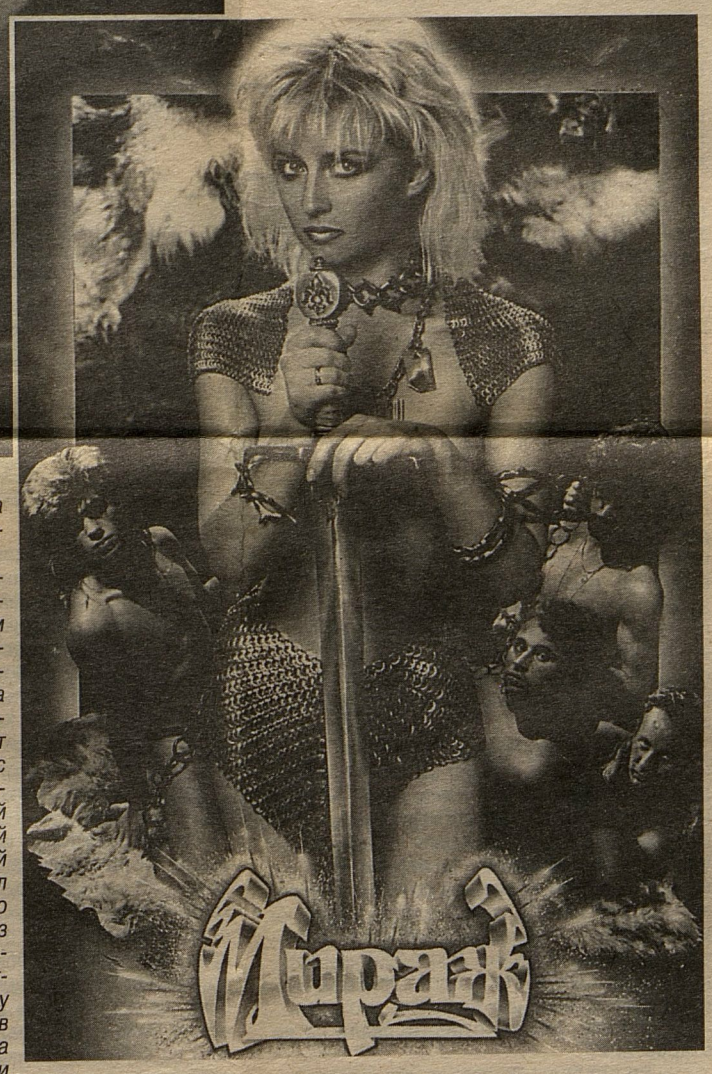
«Мираж»... Воистину, эпохальная кузница российских поп-кадров: Ветлицкая, Гулькина, Разина, Салтыкова, Жуков, Хлопков, Овсиенко... По мнению Татьяны, это напоминало ей детскую музыкальную школу: людей как бы доводили до выпуска, а потом они пускались в одиночное плавание. Размышляя о современных рекламных ходах в шоу-бизнесе, можно предположить, какой нехилый резонанс вызвал бы сегодня гала-концерт «Миража», в котором бы выступили все солисты и музыканты группы. Но, по мнению Овсиенко, никто об этом пока не задумывался, и в ближайшее время подобная акция вряд ли возможна. Хотя принципиальных конфликтов между экс-»миражовцами» нет. Точнее, между ними нет никаких конфликтов. Они продолжают общаться, за исключением... Но и об этом позже. В «Мираже», по утверждению Татьяны, никто никого не подсиживал и не выгонял. Все уходили по собственной инициативе, за исключением... самой Овсиенко.

«Я вряд ли ушла бы из «Миража» и, скорее всего, работала бы там и по сей день, если бы не случилось то, что случилось».

— Когда?

— 31 декабря 1990 года. Я приехала к родителям в Киев после гастролей в Луганске. Только что мы с «Миражом» отработали концерты, и я собиралась в кругу родственников встретить Новый год. За несколько часов до полуночи включаю телевизор и натыкаюсь на рекламу, представляющую новый альбом группы «Мираж» с новой солисткой. Полчаса посидела, подумала, что это какой-то розыгрыш. Рекламу повторили. Позвонила нашим музыкантам, они ответили, что тоже ничего не понимают. Тогда позвонила Литягину, попросила объяснить, что происходит. Он ответил: «Что значит объяснить? Я же композитор, руководитель, а не ты. И поэтому делаю то, что хочу. Это рекламный ход». Тогда я сказала, что из Киева больше не возвращаюсь, и осталась у мамы. На следующий день он перезвонил и попросил приехать в Москву, поговорить. Когда мы встретились, он сказал: «Знаешь, это на самом деле была просто реклама, а теперь я хочу вот что сделать. Вы познакомитесь и начнете рабо-

■ Окончание на стр. 38



был для Овсиенко период активного ручного труда — путешествуя с «Миражом» по всему Союзу, она успевала отстирывать и отглаживать не только костюмы Ветлицкой, но и остальных участников коллектива. Ну а в Москве она помогала Наталье вести домашнее хозяйство. Потом Ветлицкая ушла, и Овсиенко заняла ее место, обзаведясь собственной костюмершей.

А теперь о Дубовицком. Их союзу уже шесть лет. Возникал он очень постепенно. «Мы просто сжились, преодолевая вместе многие бытовые проблемы. Любовь появилась значительно позже. Я заметила, что стала переживать, почему его долго нет дома, думать, где он задерживается. Володя стал заниматься моими творческими проблемами».

Первый раз, как и предписывают законы жанра, они встретились совершенно неожиданно и случайно. Популярнейший тогда «Электроклуб» с солистами Аллегровой и Салтыковым прибыл на гастроли в столицу Украины и по стечению обстоятельств не сумел остановиться в престижной гостинице «Москва», которую оккупировала какая-то высокопоставленная делегация. Тогдашний администратор группы, а теперь один из весомых людей в «АРСе» Борис Крутоголов обратился в «Братиславу» и попал на администратора Татьяну Овсиенко. Молодая специалистка гостиничного дела на свой страх и риск вселила в интуристовскую гостиницу пусть и известных, но советских подданных, за что все равно была доведена Крутоголовым до слез, ибо

■ Окончание. Начало на стр. 37

тать в дуэте. Или ты продолжишь работать со старым репертуаром, но она тоже останется в «Мираже». Вариант с дуэтом я отмела сразу, поскольку к тому времени уже два года работала сольно, и тем более девушку приглашали на уже записанный мною альбом. Я ответила, что поеду домой и начну работать просто как Т. Овсиенко. Но Литягин запретил мне работать с имевшимся репертуаром. После чего у меня наступил трехмесячный перерыв, во время которого я пыталась найти себе композитора. Тогда я уже была немного знакома с Дубовицким, и он предложил мне обратиться к Виктору Чайке, тогда еще работавшему барабанщиком. Остальные композиторы писать для меня отказывались. Точнее, не отказывались, а находили возможность уклониться. Возможно, не хотели влезать в мои разборки с «Миражом».

— Кто конкретно отказывался?

— Тот же Николаев объяснил, что нужно немного подождать. Должна сложиться подходящая ситуация и т. п. А Чайка написал мне альбом, с которым я уже в марте начала выступления.

С этого момента «Мираж» и Овсиенко стали расходиться все дальше и дальше. Она — все выше, «Мираж» — все ниже. Первое время Литягин и новые музыканты группы почему-то с ней даже не здоровались. А их, как по иронии судьбы, почти во всех сборных концертах ставили друг за другом. То Овсиенко вслед за «Миражом», то «Мираж» вслед за Овсиенко. И, несмотря на то, что произошло, Татьяна до сих пор благодарна этой группе. Хотя бы потому, что когда-то солистка «Миража» Наталья Ветлицкая забрала ее из Киева в Москву, трудоустроив в коллектив в качестве своего костюмера. «В то время я работала в Киеве администратором в интуристовской гостинице «Братислава». Я закончила единственный в стране Техникум гостиничного хозяйства. Меня очень привлекала такая работа, хотя до этого я получила полное музыкальное образование. Поступала в техникум два года. У меня почему-то была идея-фикс — Черноморское морское пароходство, а техникум выпускал в том числе и администраторов для работы на теплоходах...».

Дальше лишь благосклонность судьбы сохранила для России певицу Овсиенко. Настойчивая Таня получила-таки, как и мечтала, распределение на белоснежный морской лайнер... «Адмирал Нахимов». Но мама категорически воспротивилась такому месту работы дочери. И Тане пришлось вернуться в родную «Братиславу», которая и направляла ее на учебу. А «Нахимов» через два месяца трагически-шумно пошел ко дну.

«Многие тогда хотели из провинциальных городов, в том числе из Киева, перебраться в Москву — настоящий город, откуда привозили шоколадки», — рассказывает Овсиенко. Юноша, с которым Татьяна познакомилась в своей гостинице и который оказался ее первой любовью, осуществил подобную миграцию весьма успешно. Через третьих знакомых, попав в набиравшую тогда популярность группу «Мираж». Его взяли в команду, когда группа приезжала на гастроли в Киев. Таня «как добрая, хорошая, правильная девушка считала, что раз первая любовь — обязательно должна быть свадьба». И терпеливо осталась дожидаться суженого на берегах Днепра. Но ждала его с беспокойством. Просила звонить из каждого города, где выступал «Мираж», выпытывала, где был, почему так поздно вернулся в гостиницу. И, однажды позвонив, услышала голос Ветлицкой, которая объяснила ей, что если так сильно любишь человека, то незачем его столько дергать и допрашивать по пустякам, лучше уж тогда бросила бы свою работу, да приехала. Безгранично влюбленная Овсиенко так и поступила, и уволилась с престижного места работы в течение 48 часов, до невозможности заморочив голову директору, мол, нашла себе место в Москве, поскольку мама выходит там замуж за военного и они должны переезжать, а если завтра она не устроится в столице на работу, это место уплывет. Маме была презентована другая порция вранья, ибо та не могла смириться с тем, что дочка, окончив техникум, уходит из хорошей гостиницы, теряет оклад в 99 руб. 50 коп. и отправляется в Москву — в никуда.

Этим «никуда» оказался в Москве второй, незаселенный этаж одного из домов на Беговой, где они жили почти всей группой. Потом родители Ветлицкой уехали работать куда-то за рубеж, и Татьяна со Славиком (первая любовь) перебрались к Наталье в Чертаново. То

номера для крутой команды подобрала все-таки не самые шикарные. А затем в холле отеля появилась популярная Ирина Александровна Аллегрова с супругом Владимиром Дубовицким, которому требовалась скорая помощь в связи с приступом аллергии на каштаны. Помощь оказали, а среди ночи Дубовицкому полегчало и он захотел кушать. Две (как впоследствии оказалось) его супруги самоотверженно пытались вскрыть какой-то бар, где отдыхали швейцары гостиницы, и раздобыть ему бутербродов.

Спустя пару лет на какой-то тусовке в Москве Дубовицкий Овсиенко не узнал. Но ее узнали другие участники «Электроклуба» и вдруг...

«Мы еще раз пересеклись в Кривом Роге на выездном концерте «Звуковой дорожки». Я сидела в гримерке, как вдруг открылась дверь, вошел Дубовицкий и воскликнул: «А где же моя самая любимая девушка на Земле!» Оглядевшись и убедившись, что никого, кроме меня, в комнате нет, я его удивленно переспросила: «Я что-ли»? Он: «Ну да». Дальше мы разговорились о делах, он сообщил, что они только недавно приехали из Израиля, я поинтересовалась о том, правдивы ли слухи, что у них с Ирой какие-то конфликты. Дубовицкий ответил, что все ерунда, и спросил, чем я занимаюсь в Москве. Я сказала: «Ничем». Сижу дома в снимаемой квартире на Каширке. Литягин особенно и не разрешал нам никуда ходить. Тогда Володя сказал: «Ну хорошо. Приеду в Москву, позвоню».

А на Каширке у меня всегда был дурдом. Куча народу, музыканты, сосед с женой в карты играть приходил, сестра жила, кошка. Мне — лишь бы не одной. Ночевать в одиночестве я вообще боюсь. Тут он позвонил, предложил куда-нибудь пойти. «Нормально, — думаю, — на свидание меня приглашает». Решила: нет, не пойду, да и надевать особенно нечего. На следующий день повторилась та же история, через день снова. Он сказал: «Если ты сейчас опять скажешь, что у тебя куча народу, я больше никогда не позвоню». Я ответила, что он, конечно, может не звонить, но народу действительно куча. И если хочет, то может тоже приезжать. Он приехал, спустя какое-то время уговорил меня куда-нибудь выбраться. Мы отправились в гости к Николаеву. А потом случилось так, что он обратился ко мне с просьбой: «Вы же с «Миражом», я знаю, надолго уезжаете. Можно я пока поживу у тебя на Каширке?» Я ответила: «Хорошо. Живи». Так он прожил с полгода. В их отношения с Ирой я не влезала. Только говорила ему, чтобы он не переживал, время пройдет, помиритесь. А 22 октября 1991 года в день моего рождения я прилетела в Москву с гастролей из Алма-Аты. Помню, рейс тогда здорово задержался. И вдруг увидела, что он встречает меня в аэропорту в белом костюме с шариком, на котором написано «I love you», и на коралловом «Мерседесе». Он пригласил меня вместе с сестрой в ресторан, находившийся в парке Горького, и когда к нам подошел официант, сообщил ему: «Познакомьтесь, это моя будущая жена». Я изумилась, решила, что Володя пошутил. Но впоследствии все так и вышло, хотя я упорно отправляла его домой, женихался он долго».

Отношения с Аллегровой у Овсиенко прекрасные, никакой «черной кошки» между ними не пробежало. Они до сих пор общаются друг с другом и даже, если нужно, уступают друг другу студийные часы. Совсем не то, что Ветлицкая с Салтыковой.

— Как тебе нравятся их взаимоотношения?

— Ужасно не нравятся. Я считаю, что Ира не права.

— Почему? Потому что Овсиенко была костюмершей у Ветлицкой, а не у Салтыковой?

— Да здрасьте! При чем тут? Если бы Ира осталась в группе, я точно так же могла бы оказаться ее костюмершей. Какая разница? Просто я помню период, когда Ира тоже жила в Чертаново, недалеко от Наташи, и та была для нее кумиром во всем: как одеваться, как ходить, как общаться с людьми. Во всем — чуть ли не до подражания. Какое-то время они очень хорошо общались, даже, пожалуй, дружили. Ира часто звонила Наташе.

Другое дело, Салтыкова, если бы, наверное, не Виктор, могла бы раньше раскрутиться. Но когда она появилась после того, что делала Ветлицкая с очень похожими клипами, с похожей музыкой того же композитора...

Все, что я слышала потом от Наташи, это какое-то интервью, где она говорила что-то типа: «Если в нашей стране создаются пародии, то за это нужно хотя бы платить деньги». Точную причину ссоры я не знаю, видимо, это произошло после Ириного выступления в одной из гримерок, которую показали по ТВ. Мне кажется, она не должна была так делать. Получается, она не честный человек, если возмущалась, что журналисты это скрыто записали. Значит, в глаза говорится одно, а за глаза — другое. Зачем эти реплики? Кто такая Ветлицкая? Наташа все-таки кое-чего в жизни добилась.

Михаил МАРГОЛИС

P.S. *Между прочим, занятия фигурным катанием начинались у Овсиенко в 4.30 утра. А теперь у нее есть автомобиль «Крайслер» и личный шофер. С тех пор, как она попала в Москве в аварию, сама Татьяна за руль больше не садится. Хотя раньше в Киеве водила не только «Жигули», но и мотоциклы. Ее отец всю жизнь работал водителем, а теперь попал под сокращение, но по-прежнему ежедневно продолжает ходить на родное овощное предприятие, где и познакомился с ее мамой, работавшей там лаборантом. А еще когда-то Овсиенко пела в детском ансамбле «Солнышко». Теперь это «Солнышко» будет подпевать в песне «Город детей» во время сольного концерта в «Украине».*

С Литягиным после ухода из «Миража» она встречалась лишь однажды, случайно, в каком-то ресторане. Он подошел и спросил: «В Твери записываешься? А на какую пленку?» И еще сказал, что нашел какие-то старые пленки «Миража», которые, правда, перепечатать ей не даст, но можно как-то встретиться старым составом и устроить что-то типа вечера воспоминаний. Она оставила ему свой телефон. Но до сих пор он не перезвонил...